

Муллонен И. И.
(Петрозаводск)

Топонимический материал в лекционном курсе „Введение в финно-угроведение”

Учебный курс „Введение в финно-угроведение” многогранен по стоящим перед ним задачами. Он призван дать знания как по современному состоянию финно-угорской языковой семьи, так и по основным этапам ее формирования. При этом логика языкового развития должна быть показана в соответствующих хронологических и географических рамках, в историко-культурном контексте, с учетом контактов с иносистемными языками.

Разнообразием задач диктуется обширный набор источников изучения финно-угроведения. Помимо собственно языковых материалов широко привлекаются исторические документы, карты распространения археологических культур, этнографические и фольклорные материалы, данные палеоботаники, с которыми в последнее время все активнее соперничают результаты исследований в области генетики.

Среди источников финно-угроведения достойное место занимает топонимика – наука о географических названиях. Использование ее обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, топонимический материал массов, что выгодно отличает его на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников или этнически плохо интерпретируемых и к тому же обычно неполных, отрывочных археологических свидетельств. Топонимия, далее, поддается хронологической и географической интерпретации, поскольку определенные топонимные модели продуктивны определенное время и в определенном ареале. Наконец, использованию топонимов в целях этноязыкового

исследования благоприятствует сама природа топонимов, не связанных с выражением понятия, а выступающих прежде всего как адреса, т. е. в виде некоего звукового комплекса, служащего для называния конкретного географического объекта. Поэтому со сменой языка топоним имеет большие шансы сохраниться в новой языковой среде. Наибольшей стабильностью, как правило, характеризуются наименования относительно крупных и социально значимых объектов – рек, озер, гор, крупных населенных пунктов. Понятно, почему это происходит: в качестве широко известного адреса они должны быть консервативны, иначе выполнение адресного предназначения будет невозможным.

Исходя из этих особенностей топонимического материала, его наиболее целесообразно использовать в тех разделах курса, которые посвящены формированию отдельных этноязыковых общностей в рамках финно-угорской языковой семьи (этот процесс, как известно, имел определенные хронологические и территориальные границы, маркируемые топонимными моделями), языковому контактированию, а также реконструкции древнего языкового состояния.

Известно, что топонимия традиционно использовалась для решения этногенетических проблем. В индоевропеистике традиция была заложена в прошлом веке Г.Краэ и В.П.Шмидтом, которые на основе этимологической интерпретации европейской гидронимии выработали новую концепцию прародины индоевропейцев и взаимодействия индоевропейских этносов на территории Европы. В финно-угроведении одними из первых были Шегрен, Кастрен и Европеус. Эта традиция успешно продолжается и сейчас, например, трудами А.К.Матвеева и его учеников, а также исследованиями в области ономастики, проводящимися в финно-угорских республиках России, в Финляндии. Накоплен интересный многоплановый материал, который может быть использован в учебном процессе.

В финно-угорской ономастике достаточно широко известны разработки по формированию и функционированию т.н. гидроформантов – свойственных наименованиях рек концовок *-га, -ма, -ша* и др., истоки которых принято искать в языке древнего финно-угорского населения обширных пространств лесной полосы Европейской России. Однако этот материал не очень удобен для учебных целей, поскольку природа формантов не до конца выяснена. Надежнее обращение не к формантам, а к типовым топоосновам. Позволим себе привести один пример, основанный на этимологических разработках самого последнего времени и позволяющий проиллюстрировать древнюю финно-угорскую языковую историю, введя ее при этом в определенные хронологические и географические границы.

Новая этимологическая интерпретация, предложенная для финского *kauka*, позволила с большим основанием, чем прежде, объединить в одном этимологическом гнезде саам. *guhkki* ‘длинный’ и морд. *kuvaka* с тем же значением и рассматривать их как суффиксальные производные от древней основы **kiwa*¹. Топонимические данные позволяют, во-первых, доказать, что кабинетная реконструкция имеет реальную основу в виде топоосновы *куб-*, зафиксированной в районе Волго-Двинского междуречья и закрепившуюся, к примеру, в названии одного из наиболее известных озер Вологодской области *Кубенского*. Даже на картах крупного масштаба отчетливо видно, что озеро длинное и узкое, т.е. название полностью отвечает семантике лежащего в его основе древнего финно-угорского слова. Предложенная здесь этимология для лимнонима подтверждается наличием определенного ареала, который – что не менее важно – соприкасается, с одной стороны, с ареалом топоосновы в ее мордовском виде, с другой, в саамском: гидронимы с основой *кубак-*, *кобак-* распространены на север вплоть до Верхневолжья, а южная граница наименований длинных озер, в которых выступает саамская топооснова *кук-*, *кукас-*,

проходит приблизительно в районе северного Белозерья. Вырисовывается, таким образом, обширный непрерывный ареал в лесной полосе Восточной Европы, отражающий финно-угорский этап в истории этой территории.

В этом примере есть смысл обратить внимание на многослойность представленного материала формировавшуюся в рамках тысячелетней финно-угорской истории ареала. Очевидно, название *Кубенского озера* в его примарном варианте имеет более древние и несколько иные языковые – в рамках финно-угорских – истоки, чем восходящие к саамской основе лимнонимы, имеющие на юге ареала бытования не собственно саамские, а, скорее, прасаамские (возможно, праприбалтийско-финско-саамские) корни. В свою очередь, далекая северная граница мордовской топоосновы объясняется, скорее всего, не собственно мордовским, а мерянским языковым наследием. На последнюю возможность указывает, в частности, то обстоятельство, что основа закрепляется в наименованиях незначительных по размерам водных объектов, что особенно бросается в глаза на фоне представленной выше истории гидронима *Кубенское озеро*.

Кстати, в наших материалах есть достаточно убедительный пример прохождения мерянско-„саамской” границы именно в районе Белозерья. Это древняя финно-угорская основа *enä ‘большой’, которая в мордовском и, очевидно, в мерянском (как свидетельствуют исследования Арьи Алквист² последнего времени имела вид *ине*, а в (пра)саамском выглядела как *ene (усваивалась в вепскую топонимию в виде *äne*, в русской адаптации *яне*)³. Очень показательны практически идентичные, образованные по единой сложной структурной модели (сар, сара ‘река, приток’) модели наименования рек *Инсар* в мордовском ареале⁴, *Инсара* в мерянском Поочье⁵, *Янсора* и *Янсарь* в бывшем саамском Обонежье. Стык ареалов находится в Белозерье (рис.1). При этом основа, выступающая в

„саамском” облике, видимо, имеет более древний возраст, чем мерянская. На это указывает функционирование первой в качестве наименований крупных, значимых объектов (например, *Онежское озеро < Änine*), в то время как вторая – мерянская – помечает незначительные по величине реки. Видимо, данное обстоятельство может быть проинтерпретировано так, что меряне распространились на север, в район Белозерья, относительно поздно, возможно, под натиском славянского освоения Верхневолжья.

Два приведенных примера наглядно демонстрируют языковое родство, позволяют привязать события финно-угорской языковой истории к карте, предложить относительную хронологию событий. История оживает, становится, благодаря конкретному материалу, более близкой и понятной. Кроме того, курс „Введение в финно-угроведение” является во многом подготовкой к курсу „История языка”. Поэтому оправданы возникающие в связи с интерпретацией топооснов экскурсии в финно-угорскую историческую фонетику.

Для решения поставленных задач финно-угроведение нередко прибегает к картам распространения определенных археологических культур, и тогда неизбежно возникает извечный вопрос о соотношении языковых и археологических данных: на каком языке говорили носители дьяковской или позднекаргопольской культуры? Нередко саму постановку вопроса считают порочной, хотя для нее существует реальная объективная основа в виде этноса и ареала его распространения⁶, а также сходные методы исследования (напр., картография). Мы считаем, что в некоторых случаях (например, когда речь идет о более поздних археологических культурах, достаточно хорошо атрибутированных, с четко очерченными границами) прием совмещения археологических и топонимических карт может быть полезен. Достаточно убедительной иллюстрацией может быть один пример, связанный с территорией Юго-Восточного Обонежья,

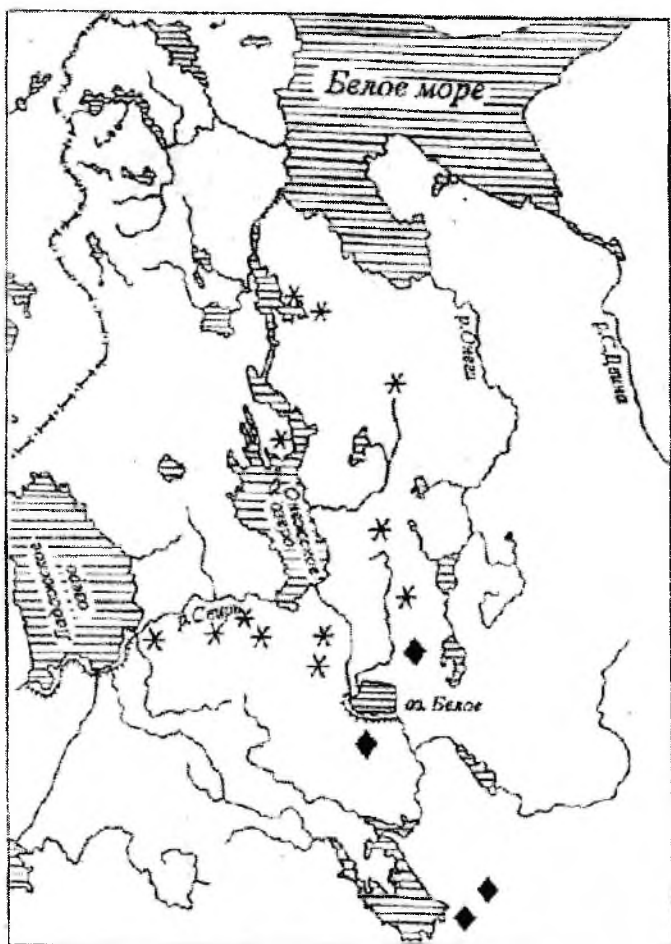
где в четко очерченных границах на компактной территории представлена позднекаргопольская археологическая культура, существовавшая тут вплоть до середины I тыс. н. э. Она, таким образом, представляла собой культуру населения, непосредственно предшествовавшего здесь ведам и – что не менее важно – продолжившегося в саамском этносе⁷. В очерченные границы практически полностью вписываются ареалы ряда топонимных моделей, среди которых основа *iles* (рис.2), последовательно привязывающаяся к наименованиям верхних, т.е. расположенных в истоках, в верховьях водной системы объектов (р.*Илекса*, *Илеса*, оз.*Илексозеро* и др.). Отмеченная особенность позволяет интерпретировать топооснову на финно-угорской почве и сопоставить с саам. $\hat{a}iV < *il\grave{a} < *\ddot{u}l\grave{a}$ ‘верх, верхний’, что дает основание предполагать в топооснове след языка „позднекаргопольцев”. В то время как собственно языковое наследие (на уровне лексики, грамматики) исчезло или переработалось до неузнаваемости, топонимы, дожившие до современности, могут дать определенные представления о языке древних насельников края, помогая тем самым реконструировать определенные этапы в этноязыковой истории ареала.

Важным элементом курса финно-угроведения является этноязыковое контактирование. Топонимический материал оказывается – в силу присущих ему особенностей – важным источником, позволяющим глубже понять процесс языкового взаимодействия, его условия, механизм и последствия.

В топонимии Карелии обнаруживается несколько ранних – древнерусского времени – топонимных моделей, все из которых довольно последовательно накладываются на водный путь из Онежского озера в Белое море. Таковы гидронимы, в которых выступает др.-рус. *острец/остреч* ‘окунь’ (оз.*Острецкое*, р.*Отречина* и др.), маркирующая древний новгородский путь в Беломорье (рис.3). Очень показательны, однако, что ареал др.-русской модели

практически полностью накладывается на Онежско-Беломорском водоразделе на ареал дистрибутивной вепсской ойконимной модели, оформленной *-l*-овым формантом⁸. Вепсская топонимия, в избытке представленная в южном Обонежье, в северном обнаруживается практически лишь вдоль древнего водно-волокового пути (рис.4), свидетельствуя о том, что путь этот был некогда освоен вепсами, и русская колонизация, таким образом, прошла вдоль путей, известных вепсам. В свою очередь, последние тоже не были пионерами, продвигаясь на север по путям, освоенным саамским населением. На это указывает топонимия бесспорного саамского происхождения вдоль означенного пути.

В качестве итога к сказанному подчеркнем еще раз, что топонимы, будучи языковыми свидетельствами прошлого, обладая четкими ареальными характеристиками, а также хронологическими параметрами, несут в себе существенно важную информацию по формированию языков и языковых коллективов. Одновременно они доступны и понятны, что способствует их активному использованию в курсе обучения.

* -1

◆ -2

Примечания

- ¹ Aikio A., 2000.
- ² Ahlqvist A., 1998.
- ³ Муллонен И.И., 1999.
- ⁴ Цыганкин Д.В., 1993, 120.
- ⁵ Смолицкая Г.П., 1976, 255.
- ⁶ Герд А.С., 1995.
- ⁷ АК 1996.
- ⁸ Муллонен И.И., 1996.

Литература

- Археология Карелии (АК 1996). Петрозаводск. 1996.
- Герд А.С.: Введение в этнолингвистику. СПб. 1995.
- Муллонен И.И.: Об одной древнерусской ойконимной модели в
Присвирье и Обонежье // Язык: история и современностью.
СПб. 1996. сс. 109-120.
- Муллонен И.И.: От Онежского озера до озера Неро: к разгадке
истоков древних топонимов // Русская народная культура и
ее этнические истоки. Москва, 1999. сс. 27-30.
- Смолицкая Г.П.: Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер.
- Цыганкин Д.В.: Память земли. Саранск.
- Ahlqvist Arja: Merjalaiset – suurten järvien kansaa // Virittäjä.
1998. № 1. s. 24-55.
- Aikio Ante: Suomen *kauka* // Virittäjä. 2000. № 4. s. 612-614.